

А.А. Шинкаренко¹
A.A. Shinkarenko

Латинская Америка через призму экологической геополитики. Немного об истории вопроса

Latin America through the vision of environmental geopolitics. A little about the history of the issue

Аннотация: В представленной статье автор затрагивает тему формирования экологической геополитики и роль в этом Латинской Америки. Социально-политические процессы, которые протекают в настоящее время в регионе акцентируют внимание на проблемах окружающей среды, а также возможности снижения интенсивности экстрактивистских инициатив. Актуальность экологического дискурса, а также издержек, связанных с рентной моделью экономики характерно не только для Латинской Америки, но и других регионов мира. Тем не менее, именно здесь мы видим активную работу антиэкстрактивистских движений по формированию современной экологической повестки и поиску моделей, альтернативных нынешнему состоянию мира.

Ключевые слова: Экологический дискурс, теория геополитики, коренное население, проблемы загрязнения окружающей среды, «товарный консенсус»

¹ Шинкаренко Александр Александрович - кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН. Москва, ул. Б.Ордынка, 21, (hombreyo@gmail.com) Shinkarenko Alexander A. - PhD (political sciences), senior fellow research, Center for Political Studies of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences. Moscow, st. B. Ordynka, 21, (hombreyo@gmail.com).

Abstract: In this article, the author touches upon the formation of ecological geopolitics and the role of Latin America in it. The socio-political processes that are currently taking place in the region focus on environmental problems, as well as the possibility of reducing the intensity of extractivistic initiatives. The relevance of the environmental discourses and the costs generated with the rental model of the economy, is characteristic not only of Latin America, but also other regions of the world. Nevertheless, it is here we can observe the active work of anti-extractive movements to form a contemporary environmental agenda and search for models that are alternative to the current state of the world.

Key words: Environmental discourse, theory of geopolitics, indigenous population, problems of environmental pollution, "consensus of the commodities"

DOI: 10.32608/2305-8773-2020-28-1-207-236

Экология как объект геополитики

Концепция экологии и связанные с ней разговоры о том, что коллективное человечество может нанести огромный ущерб экосистемам впервые стала поводом для дискуссий в XIX веке². Повсеместно причиной для беспокойства подобные заявления стали только после Второй мировой войны, что «подстегнуло» серьезные геополитические обсуждения. Научные представления о природных системах стали соседствовать в политической повестке с такими категориями, как национальная и международная безопасность³. Алармистские прогнозы о «пределах роста» в отношении природных ресурсов, населения и загрязнения, стали публиковаться в странах «Глобального Севера» в конце 1960-х - начале 70-х годов. Они привлекли международное внимание к дискуссиям о так называемой экологической геополитике, где состояние окружающей среды является одним из факторов, формирующих геополитическое видение⁴.

Новые методы экспертизы в области мониторинга экологических катастроф, а также в оценке воздействия на окружающую среду, в развитых странах стали частью политического и

² Kuehls, 1996

³ Sandbach, 1980

⁴ Meadows et al., 1974; Luke, 2003. P. 354.

административного процесса. Однако подобный опыт часто оспаривался активистами, которые скептически относились к надежности существующих госпрограмм, или же заявляли о недостаточности таких мер для сокращения промышленного ущерба. Громкие акции Greenpeace, а также других экологических организаций подняли значимость разрушения экосистем и сокращение ресурсов в СМИ⁵. Подобные действия приводили к политическому давлению по конкретным экологическим вопросам, многие из которых, как отмечает ирландский ученый Саймон Дэлби, с начала 1970-х гг., начинают трактоваться как «глобальные»⁶. В частности, специалисты выявляли новые типы экологических «угроз» (например, сокращение озонового слоя Земли, биоразнообразия, глобальных климатических изменений и др.). Приблизительно в тот же период представители развивающихся стран высказывались против аргументов «пределов роста», опасаясь, что это потребует от них сокращения промышленного производства. Тезис об ограниченности ресурсов планеты их правительства воспринимали, как прямой вызов своим экономическим системам, а следовательно возможности удовлетворить потребности миллионов социально исключенных людей. Такие возражения стали предметом обсуждений на первой Конференции ООН по проблемам окружающей среды (05.06-16.06.1972, Стокгольм, Швеция). Отмечается, что в течение долгого времени окружающая среда и развитие понимались как противоположности, а деградация экологии представлялась ценой, которую необходимо заплатить за научно-технический прогресс⁷.

В начале 1980-х гг. появились заявления о том, что концепт развития и проблемы окружающей среды являются взаимодополняющими категориями. Утверждалось, что экологические проблемы порождены «неспособностью бедных людей использовать эффективные технологии из-за своего низкого социального статуса»⁸. В 1983 г. на экологической «сцене» появилась

⁵ Dale, 1996; Wapner, 1996

⁶ Dalby, 2003. P. 179.

⁷ Miller, 1995.

⁸ Dalby S. 2003. P. 179.

Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development, WCED), во главе с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брунтланн. Через четыре года ее члены, в подготовленном докладе «Наше общее будущее» популяризировали концепцию «устойчивого развития», которая должна была стать компромиссом между сторонниками «зеленой» политики и теми, кто отдавал приоритет процессам экономического роста. Решение таких задач требовало активных действий от правительств, а также подписания глобального соглашения по экологическим программам, состоявшегося на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, также известной как «Саммит Земли» (03.06-14.06.1992, Рио-де-Жанейро, Бразилия). Любопытно, что в том же месте и в то же время параллельно проходил «Глобальный форум», на котором представители экологических организаций, общественных движений и коренных народов обсуждали возможности неправительственных действий.

Таким образом, новым предметом обсуждения становится «глобальная окружающая среда», как объект для анализа и определения политики, чего еще не было несколько десятилетий назад⁹. Как отмечает в своей статье отечественный исследователь В.А. Колосов, с увеличением глобальной взаимозависимости произошло снизилась значимость фактора территории (в его традиционном понимании), благодаря чему появились новые направления геополитики¹⁰. Так, на развитие западной геополитической мысли в конце XX в. большое влияние оказали идеи представителей французского постструктурализма (Жака Деррида, Мишеля Фуко)¹¹, а также наработки англо-американского географа-марксиста Дэвида Харви¹². Важно, что в понимании постструктуралистов, восприятие пространства

⁹ Porter, Brown, 1995.

¹⁰ Так, на стыке неоклассической геополитики и других дисциплин возникла геоэкономика, которая делала упор на экономическое соперничество стран. Еще одним таким примером стала экополитика, посвященная исследованию связи между состоянием окружающей среды и геополитическими факторами.

¹¹ См. подробнее: Деррида, 1992, а. Деррида, 2000, b.; Фуко, 2008.; Harvey, 1989.

¹² См. подробнее: Колосов, 2011, а.

как отдельно взятым индивидом, так и социальными группами подвержены изменениям. Все это было взаимосвязано с текущей социальной практикой, включавшей политический дискурс¹³. Дискуссии о глобальных климатических изменениях пересматривают отношения человека с Матерью-Землей (Пачамама) в рамках геополитической традиции, формируя новую «экологическую геополитику»¹⁴. Сродни остальным геополитическим дискурсам, эта относительно новая область знаний обладает своими собственными критериями оценки.

В 90-е гг. XX в. наряду с представлениями о новом мировом порядке экспертное сообщество (А. Гор, Р. Каплан, Т. Хомер-Диксон и др.) с учетом внешних факторов все более пристально изучало экологическую повестку. Проблемы, связанные с антропогенным воздействием на природу, привнося новые формы угрозы, первоначально понимаемые как локальные, вышли на качественно новый, глобальный уровень. Новые данные, благодаря которым земной шар стал темой для анализа, и, что особенно важно, «управления» стоит понимать как новую форму глобальной политики. В ней, как и на других геополитических площадках, знания не являются нейтральными, а используются политиками и экологами как на локальном, так и на государственном и международном уровнях¹⁵. С этим соглашается Дж. Тоал, подчеркивая, что многие предложенные меры по решению проблемы загрязнения окружающей среды отражают, а часто и защищают интересы конкретных структур, тесно связанных с созданием и сохранением экологических проблем¹⁶. Сами же вопросы дальнейшего состояния экологии, включают в себя

¹³ Под дискурсом понимались принятые в рамках конкретного общества способы видения и интерпретации окружающего мира, действия людей, а также институциональные формы организации социума.

¹⁴ Любопытно, что боливийский лидер Эво Моралес отозвался о выходе США из соглашения по климату, как о «государственной измене по отношению к Матери-Земле».

¹⁵ Redclift and Benton, 1994

¹⁶ Цит. по: Ó Tuathail, 2003. P. 7.

и множество подпунктов, таких как модели развития, рост населения и структуры неравенства в мире и др¹⁷.

К концу 90-х гг. критическая геополитика превратилась в междисциплинарную программу исследований, отошедшую от традиционного понимания концептов «политический» и «географический». Так, в сферу геополитического анализа вошли социальные науки, вопросы глобализации, идентификации и суверенитета и др¹⁸. В частности, говорилось об открытости политической географии концептуальным инновациям, что предполагает поиск моделей альтернативных нынешнему состоянию мира, включая решения проблем, связанных с неокстрактивистской политикой и сопутствующим ей загрязнением окружающей среды.

Как подчеркивает Дэлби, на современном этапе требуется «глубинное» понимание экологии (пользуясь терминологией норвежского экофилософа Арне Несса), идущее дальше концепции «устойчивого развития» и экологических форумов под патронажем ООН¹⁹. Многочисленные проблемы окружающей среды легко могут интерпретироваться развитыми странами как угрозы, которые необходимо контролировать. Сохранение экологического status-quo становится приоритетом для многих государств, так как вероятность природных катаклизмов и демографических изменений потенциально могут привести к дестабилизирующим перемещениям населения и возможным военным столкновениям²⁰. Это также порождает беспокойство по поводу того, что ухудшение состояния среды обитания в долгосрочной перспективе может спровоцировать волны экологических беженцев.

¹⁷ Данный факт способствовал обращению к такому новому методу исследования, как дискурс-анализ, что до той поры в геополитике считалось нонсенсом. См. подробнее: Окунев, 2014, а.

¹⁸ Несмотря на заявления приверженцев критической геополитики, государство не отступает перед лицом глобализации, а реагирует самым жестким образом — что подтверждается беспрецедентной жесткостью, о чем свидетельствуют локальные конфликты.

¹⁹ Dalby S. 2003. P. 181.

²⁰ Kennedy, 1993.

Как утверждает Вишванатан, дискурс устойчивого развития, предполагая, что планета является управляемым «ресурсом», может стать опасной трактовкой, где обновленные процессы развития подразумевают продолжение деградации окружающей среды²¹. В том виде, в каком они практиковались последние полвека - противопоставления человека и природы. Справедливо и то, что сокращение ресурсной базы ведет к повышенному осознанию общинной идентичности и потенциальному возникновению групповых конфликтов. Так, иногда представители традиционных культур насильно перемещаются, чтобы освободить место для крупных ресурсных проектов (плотин, шахт, фруктовых плантаций и др.) , что приводит к новым «войнам за ресурсы» или «экологическим конфликтам», которые бросают вызов контролю государства²². Здесь также важны способы их трактовки, где одна сторона, как правило, будет представлена как источник проблемы, а другая как ее потенциальное решение, что также во многом относится к вопросам геополитики.

Экологическая геополитика и рентная модель экономики

Дискуссии вокруг экологии и ее связи с геополитикой стали поводом к размышлениям о текущей экономической модели развития. Во многих государствах Латинской Америки такой остается экономика, основанная на природной ренте и высоких котировках на ведущих сырьевых биржах мира, дополненная соответствующей идеологией. Например, французская исследовательница Л. Эмперэ из Института Америк (L'Institut des Amériques), расширяет понятие конвенционального «экстрактивизма», включив в него кроме добывающей промышленности, экономическую эксплуатацию лесных богатств (вырубка деревьев, сбор ягод, природного каучука, срезка частей растений и др.)²³. В условиях социальной исключенности такого рода деятельность для жителей периферийных районов долгое время оставалась единственным источником заработка. Вместе с тем, пугающие темпы подобной сверх эксплуатации, в которую было вовлечено до половины сельского населения отдаленных

²¹ Visvanathan, 1991.

²² Wood, 1994

²³ Emperaire, 1994. P. 23-25.

участков Амазонии²⁴ негативно сказываются на уровне биоразнообразия влажнотропических лесов, тесно коррелируя с «теорией природных сред «Четвёртого мира»²⁵.

Кроме того, в ряде государств региона, обострились взаимоотношения между центром и периферией, которые можно трактовать в контексте концепции «внутреннего колониализма». Последняя описывает политическую иерархию и экономическое неравенство территорий внутри отдельно взятого государства, где периферии отведена роль источника сырья и низкоквалифицированной рабочей силы. В центре происходит сосредоточены возможности обработки ресурсов, а также обучения высококлассных специалистов. Зачастую такие региональные различия вместе с униженным положением периферии подстегивают у последней тенденции к сепаратизму, что, особенно характерно для этнически неоднородных государств²⁶. Считается, что целенаправленная политика внутреннего колониализма присуща для богатых ресурсами развивающихся государств мира, таких, как Нигерия, Ангола, Перу, Венесуэла и др.²⁷.

Примечательно, что центральная идея «внутренней колонии» была весьма востребована в марксистской социальной философии. В частности, вклад в её развитие внес итальянский политический деятель Антонио Грамши (1891-1937), который применял данную категорию к реалиям Юга Аппенинского по-

²⁴ Ibidem.

²⁵ Была предложена в рамках «теории Четвертого мира» американским антропологом Б. Нитшманом и тесно связана с проблемой сохранения и приумножения культурного и биоразнообразия. См. подробнее: Shinkarenko, 2016.

²⁶ Так, лидирующие позиции центра, основаны на расовом, этническом и культурном превосходстве. Легитимность власти помимо поддержки военно-административного ресурса подкреплена существующими культурно-расовыми стереотипами. Таким образом, концепция «внутреннего колониализма» наглядно демонстрирует многие этно-социальные процессы, прежде всего, в развивающихся государствах.

²⁷ В рамках данного тренда наблюдается размежевание одной общности на два разных мира, где первый мир мыслит себя частью «золотого миллиарда», а второй все больше маргинализируются, а его судьба не волнует «избранных» жителей метрополии. При этом пограничные группы, ориентирующиеся на метрополию (центр), стремятся перебраться в нее.

луострова²⁸. Данная проблема в общественно-политической мысли получила «второе дыхание» на рубеже 1960-70-х гг., в период активного распада колониальной системы, повлекшего глобальные изменения на политической карте мира. Сам же термин стал применяться исследователями для анализа предшествующего опыта, а также постколониальных теорий развития (Р. Блаунер, М. Гехтер, Х. Айхберг и др.)²⁹.

Наиболее влиятельную в академических кругах трактовку вышеназванного понятия в 1975 г. предложил американский исследователь Майкл Гехтер, который обосновывал имеющийся опыт взаимодействия между элитами и населением удаленных районов, где находящиеся в наиболее передовых регионах господствуют над жителями в менее развитых³⁰. В свою очередь подобные тенденции могут привести к возникновению национальных движений. В настоящее время «внутренний колониализм» используется в социологической, политологической и экономической практике, для обозначения экономической (но не только) эксплуатации «центром» страны, где сконцентрирована политическая элита, своей «периферии» (за счет использования дешевой рабочей силы, природных богатств, стратегического местоположения и др.)³¹. В частности, Гехтер выдвинул тройную модель формирования этнической напряженности. Во-первых, вследствие неравномерной модернизации многонационального государства наблюдается конфликтогенная, по своей сути, обделённость этнических периферийных

²⁸ Грамши, 1991.

²⁹ Яркий представитель радикальной социологии США Роберт Блаунер в своей теории расового угнетения («внутренний колониализм») он проводит аналогии с обычным колониализмом, при котором население насильственно подчиняют экономическому, политическому, культурному и военному господству колонизаторов. Кроме того, центральной властью предпринимаются попытки разрушить культуру угнетаемых (которая провозглашается «примитивной») и заменить ее господствующей. См. подробнее: Blauner, 1972.; Также свою трактовку «внутреннего колониализма» предложил немецкий социолог Хеннинг Айхберг, в которой он описывает последствия от разрушения «идентичностей», где «индустриальный централизм» города, «метрополий» лишает сельские «регионы» их идентичности. См. подробнее: Eichberg, 1978.

³⁰ Hechter, 1975. P. 30.

³¹ Ibid. P. 22-34.

групп. Во-вторых, члены этнических групп осознают свой низкий социальный статус, как образ коллективных взаимоотношений в устоявшейся системе. В-третьих, происходит формирование этнонационализма, как реакции угнетаемой общности на «внутренний колониализм» центра. Примечательно, что отдельный пласт причин основан на истории этносов, их интеракциях, сформировавшемся национальном складе ума, сознании, идеологических мифах и стереотипах, которые транслируются из поколения в поколение.

Наличие в отдельно взятом государстве устойчивой дихотомии «центр-периферия» приводит к мысли о наличии в механизме государственного строительства внутреннего «другого». Как отмечает отечественный исследователь И.Ю. Окунев, маркировка ментальных границ сообщества происходит по бинарной схеме «Мы» и «Другие»³². Так, дискурс об угрозах безопасности способствует созданию образа «Других», на противопоставлении себя которым формируется нация. Кроме того, границы идентичности могут создаваться за счет осознания угроз из вне, сопровождаясь мобилизацией населения и ускорением внутренней легитимации³³.

Критическая теория внутреннего «Другого» утверждает, что формирование и дальнейшее поддержание внутренних границ центр-периферии – это механизм, который позволяет выявить территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения государственности. Он включает в себя два измерения. Первое, геохронополитическое, утверждает, что центр-периферийные отношения – географическая проекция временных (хронополитических)³⁴ различий, т.е. дихотомия современного и отсталого³⁵. Второе, конструктивистское измерение, опирается на особый элемент в формировании пространственной идентичности. Речь идет об интерпретации пространства (пространственные мифы, образы, представления), которое являясь ключевой категорией

³² Окунев, 2017, с. С. 38-39.

³³ Там же.

³⁴ В отечественной науке проблемами геохронополитики занимался В.Л. Цымбурский. Подробнее см: Цымбурский, 2007.

³⁵ Окунев, 2017. С. 41.

позволяет в «одном и том же пространстве сформировать разные, вплоть до противоположных идентичности»³⁶. Любопытно, что такая схема может действовать как на международном («развитый Запад (Север) — «Третий мир» (Отсталый Юг)), так и на внутрорегиональном уровне (например, различия между Костой и Сьеррой в Перу).

Стоит также отметить, что представления об отсталости периферии можно считать мифом о внутреннем ориентализме³⁷. Сам же центр нередко приписывает отдаленным регионам (понимаемым как внутренний «другой») отрицательные черты, объясняя их отсталость положением «внутренней» колонии³⁸. По утверждению К. Джонсона и А. Коулман, «указание центром на экономически и культурно более слабый регион объединяет оставшуюся часть этого государства за счет создания мифа, демонстрирующего величие национальных идеалов и опасность уклонения от них»³⁹. В виду того, что современная геополитика формируется как на высоком, так и низком уровнях, то официальному дискурсу национальной элиты, могут (хотя это и не обязательно) противостоять социальные представления обывателей⁴⁰. В свою очередь существующая схема «центр — полупериферия — периферия» может быть применима к структуре любого государства, где полупериферия может иметь как естественные (социально-экономические) предпосылки возникновения, так и искусственные, т.е. привнесенные центром для решения конкретный геополитических задач.

Применяя данные теоретические схемы к социально-политическим реалиям латиноамериканского общества, следует подчеркнуть, что изменения последнего десятилетия подтолк-

³⁶ Там же.

³⁷ В частности, авторы проводят параллели между мифом о внутреннем «другом» и представлениями о Востоке, которые были описаны Э. Саидом в его работе «Ориентализм». Так, представления о Востоке, как о чем-то мистическом, экзотическом, неконтролируемом и неразвитом были созданы европейцами благодаря дискурсу, противопоставлявшему Восток Западу.

³⁸ Окунев, 2017. Там же.

³⁹ Цит. по: Окунев, 2016, б.

⁴⁰ Колосов, Зотова, 2011, б. С. 172.

нули интеллектуалов и гражданских активистов к поиску альтернативной парадигмы развития, отличной от неокстрактивизма. Данный термин понимается латиноамериканскими исследователями, как модель экономического развития, которую в начале XXI в. стали практиковать некоторые правительства Латинской Америки. Подобно конвенциональному экстрактивизму (о котором говорилось выше), неокстрактивизм ориентируется на экономику, основанную на добыче полезных ископаемых, в которой государство играет более значимую роль, нежели частные инициативы. Последнее отражается на проценте, отчисляемом в государственную казну от ресурсных проектов. Часть полученных средств шла на реализацию социальных программ, что позволило сформировать социальную базу сторонников этих режимов⁴¹. Обратной стороной процесса является стремление местных элит отвести внимание от новых формы неравенства, как результата международного разделения труда (МРТ) и диспропорционального развития территорий, оставив за скобками критику и возможные негативные последствия неокстрактивистской модели⁴².

Латинская Америка по пути к экологической геополитике

Некогда популярная «теория догоняющего развития» опиралась на понятие прогресса. Тем не менее, ввиду отсутствия в экономической науке четкой дефиниции «развития», оно часто заменялось понятием экономического роста, хотя данные термины являются лишь относительно тождественными. Подобная путаница в категориях превратилась в «ахиллесову пятау» всех теорий развития. Логичным продолжением данного процесса стала теория модернизации, авторы которой искренне полагали, что менее развитые страны должны в максимально короткий срок пройти те же стадии, которые прошли более развитые государства⁴³. Также предполагалось, что последовательные и мирные изменения неизбежно сойдутся в определенной логической точке в виде повсеместного улучшения условий человеческого существования. В то же время латиноамериканские ис-

⁴¹ См. подробнее: López Flores, 2014.

⁴² Svampa, 2011.

⁴³ Братерский, 2015.

следователи, среди которых выделялись Р. Пребиш, А. Гундер Франк, Т. Дус Сантус, Р. Ставенхаген и др., выступали с резкой критикой теории модернизации, подчеркивая, что подобная парадигма неспособна вывести развивающиеся страны из отсталости, особенно, если учитывать степень интеграции коренного населения в них. Как отмечает в своей статье американский социолог-неомарксист Иммануил Валлерстайн, «новым лозунгом латиноамериканских интеллектуалов стала зависимость, понятие, выросшее из концепций «центра-периферии» и «девелопментализма», которые впервые были разработаны Раулем Пребишем и Экономической Комиссией ООН для Латинской Америки (ЭКЛА)»⁴⁴. Тем не менее, в 1970-х гг. вопрос интеграции представителей автохтонных жителей в латиноамериканское общество стал реализовываться в рамках «концепции этноразвития». Суть последней состояла в том, что для собственного развития коренные народы региона обладают необходимыми внутренними ресурсами. Как заявляли сторонники данного направления, любые интегративные попытки стоило бы реализовывать, учитывая этнокультурную специфику и многовековые традиции индейских жителей.

Следует отметить, что в общемировой практике критическое отношение к догме непрерывного роста, лежащего в основе процессов глобализации, активно обсуждалось в рамках социально-экономической концепции антироста («сдерживание роста при сохранении благополучия»), акцентируя внимание на необходимости сокращения размеров экономик для обеспечения общественного благосостояния в долгосрочной перспективе⁴⁵. На волне повышенного внимания к экологическим проблемам во второй половине 2000-х гг. Некоторые идеи антироста стали перекликаться с концептом *Buen Vivir* (другое назва-

⁴⁴ Валлерстайн, 2003.

⁴⁵ Впервые термин «антирост» был применен французским философом А. Горцем в 1972 году. Другие авторы стали активно к нему прибегать после публикации доклада Римского клуба «Пределы роста» (1972) и вышедшего годом ранее исследования «Закон энтропии и экономический процесс» Н. Джорджеску-Регена. Иногда в качестве альтернативного варианта перевода термина в российской историографии встречается название «дерост».

ние «Sumak Kawsay»). Вероятно, поэтому некоторые исследователи приняли Buen Vivir за альтернативу сложившейся практики неоэкстрактивизма и теории «догоняющего развития». В частности, как справедливо подчеркивает уругвайский социолог Эдуардо Гудинас, обращение к культурным традициям коренного населения могло бы помочь в создании концепций развития, адаптируя их к современным реалиям. В их числе, как отмечал Валлерстайн, политическая активность, особенно, в тех государствах Латинской Америки, где автохтоны составляют весомый процент⁴⁶. При более детальном анализе Buen Vivir заметен факт отсутствия категории, похожей на концепцию развития. Для индейского населения подобный процесс является нелинейным, точно также как отсутствуют понятия богатства и бедности, обусловленных накоплением материальных благ, противопоставляя себя западному прочтению. На основе Buen Vivir должна сформироваться модель, которая находится в тесной связи с Пачамама (Матерью Землей). Подобный целостный подход должен учитывать множество сегментов, в том числе знания, кодексы этики и духовного поведения в отношении природы, человеческих ценностей и восприятия будущего⁴⁷.

Все вышеуказанные факторы способствовали возникновению «эко-территориального сдвига» — термина, введенного в работах аргентинского социолога Маристельи Свампы для объяснения особенностей экологического дискурса в странах Латинской Америки. Под ним автор понимает новый цикл протестной активности, сфокусированной на категориях территорий традиционного проживания, окружающей среды, модели развития и др. Поводом для чего стала обновленная парадигма капиталистического господства в регионе. Все это дает надежду на возможное будущее без «хищнического» экстрактивизма⁴⁸. Кроме того, как подчеркивает Д. Харви, благодаря подобным процессам в Латинской Америке мы можем наблюдать примеры горизонтальной самоорганизации общин, которые берут ситуацию под свой контроль, там, где государство ей не управля-

⁴⁶ Валлерстайн, Там же.

⁴⁷ Swyngedouw, 2007

⁴⁸ Gudynas, Acosta, 2011. P. 80.

ет⁴⁹. Приведенные ниже случаи, как раз подтверждают данный тезис.

Природоохранная инициатива «Ясуни-ИТТ»⁵⁰ в Эквадоре, представлялась отказом от агрессивной нефтедобычи в районах с высокой степенью биоразнообразия, а также защитой прав Пачамамы и проживающих в них коренных этносов. Данная территория не только богата редкой флорой и фауной, но и также скрывает под лесными массивами запасы углеводородов, объемы которых, по некоторым оценкам составляют примерно 800 млн. баррелей (около 20 % нефтяного запаса страны)⁵¹. Первоначально с требованием остановить нефтяные разработки на данной территории еще в 1995 г. выступала Конфедерация коренных народов Эквадора (CONAIE). Способы реализации подобного проекта в последствие были разработаны группой ученых и эоактивистов, среди которых были Oilwatch и Acci3n Ecol3gica. Тем не менее, к его практическому воплощению правительство Р. Корреа приступило в 2007 году⁵². Данная инициатива стала столь популярна в мировом сообществе, что в академических кругах стали поговаривать о возможной «Ясунизации» (применения опыта Ясуни) в других регионах мира. Формально, Yasuní-ИТТ стал символом мира, в котором возможен отказ от перегибов экстрактивизма, став среди эквадорцев популярным лозунгом, вроде: «Я - Ясуни» или «Мы все Ясуни».⁵³ Однако, как справедливо подчеркивает шведский политолог Рикард Лаландер, для правительственной администрации Р.

⁴⁹ Хестанов, 2008.

⁵⁰ Названа в честь национального парка Ясуни, а также района Испинго-Типутини-Тамбокоча. Исследователи Латиноамериканского факультета социальных наук (FLACSO) У. Захер и М. Базс, а также другие называют проект национального парка Ясуни «примером практической реализации концепции Buen Vivir», стратегией перехода к постэкстрактивистскому Эквадору. При благоприятном исходе кампания могла бы стать альтернативой активным разработкам нефтяных месторождений в Амазонии, с целью сохранения биоразнообразия региона.

⁵¹ Finer, Vijay, Ponce, Jenkins, Kahn, 2009.

⁵² Gudynas, 2013.

⁵³ В Боливии примерно в это же время шел подобный процесс консолидации вокруг лозунгов в защиту TIPNIS: «Я - TIPNIS» и «Мы все - TIPNIS».

Корреа, мораторий на нефтедобычу в национальном парке был лишь вопросом времени⁵⁴.

Одобрительное отношение к расширению проектов по добыче полезных ископаемых стало отличительной особенностью последнего мандата (2013-2017) экс-главы эквадорского государства Р. Корреа. Примером чего может служить нефтяной сектор, в котором для участников новых концессий в амазонской части Эквадора были расконсервированы территории площадью свыше 3 млн. га. Некоторые проекты в горнорудной отрасли, получившие поддержку эквадорского правительства вообще были запущены еще в неолиберальной период. По данным исследователей FLACSO, на сегодняшний день наиболее важные проекты по добыче полезных ископаемых в стране управляются иностранными участниками. Среди них значатся такие игроки, как чилийская CODELCO, канадские Lunding Mining, Cornerstone и Dinasty Metals, китайские государственные компании Tongling и China Railways⁵⁵. Немаловажным фактором остается и высокая закредитованность Кито перед китайского стороной, когда для погашения ранее полученных крупных займов Эквадор вынужден часть нефти отдавать Пекину в счет уплаты долга⁵⁶.

Отказываясь от моратория по Yasuni в августе 2013 г., Корреа объяснял свою позицию отсутствием активной поддержки со стороны мирового сообщества и тем, что современные способы нефтедобычи позволяют минимизировать экологические последствия (согласно заверениям разработки должны были затронуть менее 1% от территории парка)⁵⁷. Правительственные чиновники также неоднократно заявляли, что горнодобывающие и нефтяные компании «со всей ответственностью» подходят к добыче полезных ископаемых, и что сегодня такая модель является необходимой для того, чтобы уже завтра иметь воз-

⁵⁴ Lalander, 2015

⁵⁵ Цит. по: Захер, Баэс, 2016.

⁵⁶ По некоторым данным, около 80% добытой в Эквадоре нефти используется для погашения задолженности. См. подробнее: Araujo, 2013.

⁵⁷ Gudyas, 2013, См. также: Consejo de Ecuador desaprueba pedido de ecologistas de referendo sobre petróleo.

можность оставить её в прошлом⁵⁸. Тем не менее данное решение встретило жёсткую критику со стороны ученых-экологов, а также индейского населения региона в лице Конфедерации коренных народов Эквадора (КОНАИЕ).

Несомненно, важную роль в этом процессе играют многие социальные факторы, среди которых, участие местных крестьян, общин автохтонов Амазонии (например, народностей сараяку и шуар). Так, организация «Ясунидос» в 2014 г. потребовала всенародного референдума по вопросу об эксплуатации национального парка Yasuni, однако проведение данной инициативы не было одобрено эквадорским парламентом⁵⁹. Официальные власти отклонили любые доводы экологов против политики добычи полезных ископаемых. В свою очередь государственные СМИ называют противников экстракционной модели «инфантильными», отмечая, что добыча полезных ископаемых является единственным возможным путем «развития» и «прогресса» для Эквадора⁶⁰.

Следует отметить, что, выйдя за пределы локальной повестки некоторые формы социально-экологического протеста стали неотъемлемой частью политического ландшафта региона. Таким примером может служить боливийский case study, который демонстрирует нам еще одно проявление «эко-территориального сдвига»⁶¹. Здесь массовые акции (октябрь 2011 г.) по поводу строительства автомагистрали через территорию национального парка Исиборо Секуре (полное название - Национальный парк Исиборо Секуре и индейской территории, Territorio Indígena y Parque Nacional Isiboro Sécure, TIPNIS), обнажили, по мнению отечественной политолога-латиноамериканиста Т.А. Воротниковой, нарастающие социально-политические противоречия в стране, став «иллюстрацией новых процессов, ранее не имевших место в политической жизни»⁶². Согласно позиции защитников Национального парка

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Machado, 2014.

⁶⁰ Yasuni: Ecuador abandons plan to stave off Amazon drilling, 2013.

⁶¹ Воротникова, 2019. Б

⁶² Там же.

Исиборо Секуре, транспортная артерия (которая должна была стать частью коммерческого коридора) могла изменить не в лучшую сторону то экологическое и социальные равновесие, которое сложилось на территориях их компактного проживания. Еще одним триггером в данной ситуации стало отсутствие предварительных консультаций с местными общинами, что противоречило Конституции 2009 года⁶³. Как подчеркивает Воротникова, «массовые протесты поставили правительство перед выбором между общенациональными интересами и недавно провозглашенными идеологическими принципами сохранения культурного разнообразия, автономного развития и уважения к Матери-природе»⁶⁴. Несмотря на начало консультаций между участниками (июль 2012 г.), некоторые общины высказались против переговорного процесса, запустив международную кампанию для иллюстрации мировому сообществу случаев нарушения прав коренного населения. Хотя конфликт и закончился также внезапно, как и начался, по словам представителя Координационного комитета индейских организаций андских государств (Coordinadora Andina de Organizaciones Indígenas, CAOИ) Р. Киспе, «TIPNIS является лишь верхушкой айсберга»⁶⁵. Данный тезис подтверждает и боливийский социолог Р. Орельяна, заявивший, что пример TIPNIS «это нечто большее, чем споры о строительстве дороги»⁶⁶. Любопытно, как отмечает британская исследовательница Лоренса Белинда Фонтана, некоторые общины, принимавшие участие в акциях протеста, выступали против предполагаемого маршрута трассы. Среди протестующих слышались заявления, что шоссе должно пересечь другую часть Амазонии за пределами TIPNIS⁶⁷. Такие сюжеты не являются единичными, так как похожий сценарий имел место в споре вокруг месторождения серебра «Маллку Кота» в боливийской Кочабамбе⁶⁸.

⁶³ Belinda Fontana, 2013

⁶⁴ Воротникова, 2016. А

⁶⁵ Belinda Fontana, *Ibidem*.

⁶⁶ Lalander, 2015

⁶⁷ Belinda Fontana, 2013.

⁶⁸ MALKU KHOTA. Overview.

В контексте неоекстрактивистской политики также стоит отметить ситуацию, которая сложилась вокруг литиевых месторождений Латинской Америки⁶⁹. Некоторые аналитики утверждают, что добыча углеводородов может отойти на «второй план», если будет налажено массовое производство литиевых батарей. Примечательно, что более половины (58%) от известного числа его мировых запасов находится в районе, который делят между собой Чили, Боливия и Аргентина⁷⁰. На мировых рынках в конце 2019 г. цена за тонну карбоната данного элемента таблицы Менделеева стоила уже 17 тыс. долларов, что объясняется высокой потребностью наукоемких производств в данном металле, необходимом для создания электрокаров, смартфонов, игровых приставок, ноутбуков и др. Ряд изданий называют его «белое золото», что ставит его на одну доску с нефтью. Хотя технологиям на литиевой основе предстоит долго развиваться и расширяться, чтобы занять столь же значимое место, какое занимают углеводороды в современном мире, ажиотаж на металл виден уже сейчас. Спрос подстегивают планы перевода городского общественного транспорта, работающего на двигателе внутреннего сгорания (ДВС) на электромоторы⁷¹.

Трудный выбор?

Дискуссии вокруг отличной от рентной модели развития, вне всяких сомнений, являются вызовом для устоявшихся отношений «человек-окружающая среда», так как в их основе лежат ценности и космогония коренных народов. Опыт государств Андского субрегиона демонстрирует новые интерпретации человеческого и экономического развития, где правитель-

⁶⁹ Крупнейшее литиевое месторождение мира - солончак Уюни расположен в боливийских Андах на высоте почти 3700 м над уровнем моря на месте высохшего озера, которое на площади 10 500 км. кв. превратилось в огромную пустыню литиевосодержащей соли. Соседняя Чили на сегодняшний день является крупнейшим производителем элемента номер 3 таблицы Менделеева. Так Сантьяго контролирует около 33% мирового рынка, а также обладает вторым по величине запасов лития месторождением, находящемся в Саларде-Атакама.

⁷⁰ Добрынин, 2017

⁷¹Цит. по: Добрынин.

ственные администрации стремятся использовать прагматический подход к правам Пачамамы. Это противоречит официальному экологическому дискурсу, закреплённому в конституциях. Иллюстрациями подобного тренда стали ранее упомянутые конфликты вокруг TIPNIS и Yasuní. Однако, стоит отметить, что представленные примеры являются лишь наиболее показательными, так как схожие процессы наблюдаются и в других странах региона с менее прогрессивными законодательствами. Так, активное сопротивление добыче сланцевого газа с применением технологии гидравлического разрыва пласта (фрекинга) отмечено в Аргентине⁷². Ещё один конфликт - в перуанском регионе Кахамарка, где был рост напряжённости между золотодобытчиками и местным населением в 2011-2013 гг. стал проверкой на прочность администрации президента О. Умалы (2011-2016)⁷³.

Желание государств к коммерциализации природных богатств, а вместе с тем, права природы и коренного населения оказались в эпицентре социальных конфликтов между правительственными администрациями и индейскими и экологическими движениями региона. Криминализация протеста против ресурсных разработок, как подчеркивает М. Свампа, в очередной раз демонстрируют откат демократии, когда местные власти переходят «к более традиционным режимам господства на основании классических популистских моделей национального развития»⁷⁴. По данным неправительственного Центра исследования конфликтов в горнодобывающей промышленности (ОК-МАЛ), в 2010 г. в Латинской Америке произошло 120 конфликтов, затронувших 150 сообществ. При этом самые высокие показатели конфликтных ситуаций (по состоянию на 2019 г.) отмечались в Чили, Мексике и Перу, на долю которых пришлось 49, 48 и 42 столкновения, соответственно. В Аргентине этот показатель составил 28 случаев, в Бразилии — 26, Колумбии — 18,

⁷² Альварес Сола, 2016. С. 30-31.

⁷³ Walton, 2016.

⁷⁴ Свампа, 2016. С. 25.; Svampa, 2011 См. также: Шинкаренко А. А. 2017.

Боливии— 10, а также 7 в Эквадоре⁷⁵. Здесь показательным может оказаться опыт коренных жителей региона, которые в силу определённых факторов превращаются в основного участника социально-экологической повестки. Так как для индейских этносов «территория традиционного проживания» значит гораздо больше, нежели просто «источник средств к существованию». Поэтому, ряд исследователей отмечает, что неизбежное при неоекстрактивизме наступление на их территории означает расчленение общности, которая питает эту культуру.

Анализируя отдельно взятые case studies проявлений экологической геополитики в латиноамериканском регионе справедливо будет отметить факт того, что некоторые противники конкретных ресурсных или инфраструктурных инициатив отнюдь не выступают за закрытие всех добывающих отраслей. Это подводит нас к мысли о том, что в локальных сообществах, члены которых объединены перед лицом экологических проблем имеются различные точки зрения на плюсы и минусы неоекстрактивизма. Даже активные критики данной модели развития утверждают, что нужно проводить черту между «необходимой» добычей полезных ископаемых и «хищническим» отношением к природным богатствам. Ведь альтернативные проекты, вроде экотуризма или мелкомасштабных ресурсных работ, которые удовлетворили бы потребности местного населения и привлекли достаточно инвестиций не могут пока покончить с социальной исключённостью местного населения, являясь экономически нежизнеспособными.

Резюмируя вышесказанное, процитируем слова американского режиссера Годфри Реджио, который в своей картине «Койяанискаци» (на языке индейцев хопи буквально «жизнь вне равновесия» – А.Ш.) привел пророческие слова – «если мы продолжим выкапывать богатства из земли, мы навлечем беду». Современный мир, как отмечают сторонники критического подхода, условно можно поделить государства на «дикие» и «робкие», которые постоянно сталкиваются с угрозами, исхо-

⁷⁵ OCMAL. Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina

дящими от «общества риска». Речь идет об отрицательных последствиях индустриализации, глобализации финансовых потоков, обособлении более бедных регионов и возросшей в разы скорости передачи цифровой информации (дигитализация). Результат – все более активные заявления об экологических издержках, которыми сопровождаются вышеназванные процессы.

Сегодня геополитика получает новые интерпретации, потому что географическое, выйдя за пределы территории и пространства (т.е. классического истолкования), объединило также проблемы сокращения природных ресурсов, антропогенного влияния и др. По мнению американского публициста Т. Фридмана, «зеленая геополитика» могла бы стать для современного общества эффективным средством против загрязнения окружающей среды. Предполагается, что выходом из замкнутого круга являются не только конкретные меры (такие как бесплатная парковка для электромобилей), но и глобальное изменение в сознании развитых государств. Другими словами, на сегодняшний день, экологическая геополитика претендует на статус идеологии с верой в альтернативные источники энергии⁷⁶. Последние могут стать решением в сложившейся ситуации, когда добыча углеводородов остается гигантским реликтом индустриальной эры (первичного модерна). Тем не менее, возможные преимущества от новых носителей, пока что, не сильно заметны, пока общество пребывает в мифе технологической цивилизации. Из-за этого обозначенная проблема приобретает не только культурфилософское, но и политическое звучание. Так как, по мнению Харви, современные технологии тесно связаны с политикой. Администрации некоторых государств отказываются признавать фактор глобального потепления, из-за того, что данное направление исследований играет против мощного энергетического лобби⁷⁷. Немаловажно отметить факт насущной потребности современного общества в смене модели развития, отличной от неоэкстрактивистской, что дополнительно стимулирует разработку национальных стратегий. По словам того же Харви,

⁷⁶ Геннис, 2005.

⁷⁷ Хестанов, 2008. Там же.

«сейчас идет очень живая дискуссия о том, как сделать города более устойчивыми и гармоничными с точки зрения окружающей среды»⁷⁸.

В отсутствие очевидных и сильных источников экономического роста, экологические инвестиции могут представлять большой интерес для многих субъектов по всему миру. Речь идет об «экологизации финансового сектора» и, государственных бюджетов, что может поднять инвестиции экологические проекты «на порядок»⁷⁹. Примером такого поведения может стать Всемирный банк (ВБ), который сделал ставку именно на климат⁸⁰. Кроме того, еще одной особенностью постструктурной геополитики является то, что мы можем наблюдать, как новые социальные движения бросают вызов политической, экономической, культурной гегемонии государств и элит. Новые акторы, которых можно определить в терминологии П. Роуллджа, как проявления «не-геополитики»⁸¹ (также можно встретить термин «антигеополитика») ставят под сомнение возможность совпадения интересов государства и общин. Именно их ключевые элементы, финансово не зависимые от государства, способны принимать бесчисленные формы (в том числе антисистемные)⁸², которые мы можем наблюдать в рамках «эко-территориального сдвига» в Латинской Америке.

БИБЛИОГРАФИЯ/ REFERENCES

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ В рамках Соглашения по борьбе с изменениями климата (Париж, 2015 г.), которое предполагает поэтапный отказ от ископаемого топлива, группа Всемирного банка, «обязалась увеличить в течение следующих пяти лет долю средств своего портфеля, выделяемых на климатическое финансирование, с нынешнего 21% до 28%». Для этого был создан специальный план по оказанию помощи развивающимся странам по увеличению производства возобновляемой энергии. К 2020 г., данная инициатива должна охватить около 40 государств с привлечением 25 млрд дол частных инвестиций. См. подробнее: Рогожников, 2017.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ См. подробнее: Routledge, 2003. P. 245.

⁸² Ibid. P. 253-254.

- Альварес Сола М.* Новый аргентинский экстрактивизм // Глобальный диалог, №1 (том 6), март 2016. Al'vares Sola M. Novyi argentinskii ekstraktivizm // Global'nyi dialog, №1 (tom 6), mart 2016. S. 30-31. [New Argentine extractivism]
- Братерский М. В.* Миротворчество и развитие в контексте демократизации современного мира: Уточнение существующей парадигмы // Актуальные проблемы Европы, 2015, №3, С. 93-106. Braterskii M. V. Mirotvorchestvo i razvitie v kontekste demokratizatsii sovremennogo mira: Utochnenie sushchestvuyushchei paradigmy // Aktual'nye problemy Evropy, 2015, №3, S. 93-106. [Peacemaking and Development in the Context of Democratizing the Modern World: Clarifying the Existing Paradigm]
- Валлерстайн И.* Боливия, Буш и Латинская Америка URL: https://scepisis.net/library/id_262.html Wallerstein I. Boliviya, Bush i Latinskaya Amerika URL: https://scepisis.net/library/id_262.html (accessed 30.11.17) [Bolivia, Bush and Latin America]
- Воротникова Т.А.* Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе. // Свободная мысль. № 6. 2016, а. Vorotnikova T.A. Desyat' let spustya: kak izmenilas' Boliviya pri Evo Moralese. // Svobodnaya mysl'. № 6. 2016, a. [Ten Years Later: How Bolivia Changed Under Evo Morales]
- Воротникова Т.А.* Левая политическая мысль в современной Боливии. // Латиноамериканский исторический альманах, №23, 2019. С. 185-199, b. Vorotnikova T.A. Levaya politicheskaya mysl' v sovremennoi Bolivii. // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh, №23, 2019. S. 185-199, b. [Left-wing political thought in modern Bolivia]
- Геннис А.*, «Зеленая геополитика» Томаса Фридмана. Книга Макса Хастингса "Армагедон. Битва за Германию". Памяти Артура Миллера URL: <http://www.svoboda.org/a/127935.html> Gennis A., «Zelenaya geopolitika» Tomasa Fridmana. Kniga Maksa Khastingsa "Armageddon. Bitva za Germaniyu". Pamyati Artura Millera URL: <http://www.svoboda.org/a/127935.html> ["Green Geopolitics" by Thomas Friedman. Book by Max Has-

tings "Armageddon. Battle for Germany ". In memory of Arthur Miller]

Грамиш А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. Gramshi A. Tyuremnye tetradi. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991. [Prison notebooks]

Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы Философии, № 4, 1992, а. Derrida Zh. Pis'mo k yaponskomu drugu // Voprosy Filosofii, № 4, 1992, а. [Letter to a Japanese friend]

Деррида Ж. О грамματοлогии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. — М.: Ad Marginem, 2000, b. Derrida, Zh. O grammatologii / Per. s fr. i vst. st. N. Avtonomovoi. — М.: Ad Marginem, 2000, b. [About grammatology]

Добрынин В. Экономике Аргентины, Боливии и Чили спасет литий? // REGNUM, 14.03.2017. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2248832.html> Dobrynin V. Ekonomiku Argentiny, Bolivii i Chili spaset litii? // REGNUM, 14.03.2017. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2248832.html> [Economy of Argentina, Bolivia and Chile will be saved by lithiums?]

Захер У., Баз М. Экстрактивизм и Buen Vivir в Эквадоре. //Глобальный диалог, №1, 2016. Sacher W., Báez M. Ekstraktivizm i Buen Vivir v Ekvadore. //Global'nyi dialog, №1, 2016. [Extractivism and Buen Vivir in Ecuador.]

Колосов В.А. Критическая геополитика: основные концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука, 2011, №4, С. 31-52, а. Kolosov V.A. Kriticheskaya geopolitika: osnovnye kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii // Politicheskaya nauka, 2011, №4, S. 31-52. [Critical geopolitics: basic concepts and experience of its application in Russia]

Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: опыт применения методов «критической геополитики». «Критическое» направление в геополитике: стала ли, наконец, геополитика наукой? // Географическое пространство России: образ и модернизация. СПб.: ВВМ, 2011, b. Kolosov V.A., Zotova M.V. Geopoliticheskoe videnie mira rossiiskimi grazhdanami: opyt primeneniya metodov «kriticheskoi geopolitiki». «Kriticheskoe» napravlenie v geopolitike: stala li, na konets, geopolitika nauкой? // Geograficheskoe prostранство Rossii: obraz i modernizatsiya. SPb.: VVM, 2011, b. [Geopolitical vision of the world by Russian citizens: experience of application of methods of «critical geopolitics». «Critical» direction in geopolitics: has it finally become a science? // Geographical space of Russia: image and modernization. SPb.: VVM, 2011, b.]

politike: stala li, nakonets, geopolitika naukoï? // Geograficheskoe prostranstvo Rossii: obraz i modernizatsiya. SPb.: VVM, 2011. [The geopolitical vision of the world by Russian citizens: the experience of applying the methods of "critical geopolitics". "Critical" direction in geopolitics: has geopolitics finally become a science?]

Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика, №4 (16-17), 2014. С. 6-14, а. Okunev I.Yu. Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskii sdvig v issledovatel'skoi paradigme geopolitiki // Sravnitel'naya politika, №4 (16-17), 2014. S. 6-14. [Critical Geopolitics and Post-Critical Shift in the Research Paradigm of Geopolitics]

Окунев И.Ю. Геополитические коды постсоветских этнонациональных сообществ на примере гагаузов и болгар в Молдавии //Международные процессы, Том 14, № 1, 2016. С. 156-171, б. Okunev I. Yu. Geopoliticheskie kody postsovetских etnonatsional'nykh soobshchestv na primere gagauzov i bolgar v Moldavii //Mezhdunarodnye protsessy, Tom 14, № 1, 2016. S. 156-171. [Geopolitical codes of post-Soviet ethno-national communities on the example of the Gagauz and Bulgarians in Moldova]

Окунев И.Ю. Столицы в зеркале критической геополитики. М.: «Аспект-Пресс», 2017, с. Okunev I.Yu. Stolitsy v zerkale kriticheskoi geopolitiki. M.: «Aspekt-Press», 2017. [Capitals in the mirror of critical geopolitics]

Рогожников М. Большой климатический кризис URL: <http://expert.ru/2017/06/2/klimat/> Rogozhnikov M. Bol'shoi klimaticheskii krizis URL: <http://expert.ru/2017/06/2/klimat/> [Great climate crisis]

Свампа М. Бросая вызов неоэкстрактивизму в Латинской Америке// Глобальный диалог.— No1 (т. 6).— Март 2016.— С.24–25. Svampa M. Brosaya vyzov neоекстраktivizmu v Latinskoi Amerike // Global'nyi dialog, №1 (vol. 6), Mart 2016. S.24–25. [Challenging neo-extractivism in Latin America]

- Фуко М. Дискурс и истина // Логос, № 2 (65), 2008. С. 159—262.; Fuko M. Diskurs i istina // Logos, № 2 (65), 2008. S. 159—262. [Discourse and truth]
- Хестанов Р. Географический марксизм (интервью с Дэвидом Харви). // Русский репортер. URL: http://www.rusrep.ru/2008/18/interview_harv/ Khestanov R. Geograficheskiĭ marksizm (interv'yu s Devidom Kharvi). // Russkii reporter. URL: http://www.rusrep.ru/2008/18/interview_harv/ [Geographical Marxism (interview with David Harvey)]
- Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2006. — М.: РОССПЭН, 2007. Tsymburskii V.L. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. 1993—2006. — M.: ROSSPEN, 2007. [Island Russia. Geopolitical and Chronopolitical Works]
- Шинкаренко А. А. Социально-экологические конфликты в Перу - Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН, 2017. С. 262-279. Shinkarenko A. A. Sotsial'no-ekologicheskie konflikty v Peru /Politicheskie konflikty v Latinskoi Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti. - M.: ILA RAN, 2017. S. 262-279. [Socio-ecological conflicts in Peru]
- Araujo A. La ruta de China y sus empresas en suelo ecuatoriano. URL: <http://www.elcomercio.com/actualidad/negocios/ruta-de-china-y-empresas.html>
- Belinda Fontana L. Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia. // Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. — Vol. XLIII: 1–2. — 2013. — P. 19–45.
- Blauner B. Racial Opression in America. N.Y. Harper & Row. 1972.
- Chuji M., Rengifo G., Gudynas E. Buen Vivir. // Pluriverse. /A Post-Development Dictionary. New Delhi, 2019. pp. 111-114.
- Consejo de Ecuador desaprueba pedido de ecologistas de referendo sobre petróleo. URL: <http://economia.terra.com/consejo-de-ecuador-desaprueba-pedido-de-ecologistas-de-referendo-sobre->

- petro-
leo,7a4a7f828cdd5410VgnCLD2000000dc6eb0aRCRD.html
- Dalby S.* Environmental Geopolitics. Introduction. // The Geopolitics Reader. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. P. 179-186.
- Dale S.* McLuhan's Children: The Greenpeace Message and the Media, Toronto: Between the Lines, 1996.
- Eichberg H.* Nationale Identität. Entfremdung und nationale Frage in der Industriegesellschaft. München., 1978.
- Empereire L.* L'extractivisme et le developement durable de l'Amazonie //Amenage et nature №115, 1994.
- Finer M., Vijay V., Ponce F., Jenkins C. Kahn T.* Ecuador's Yasuní Biosphere Reserve: a brief modern history and conservation challenges. Available at: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/4/3/034005/pdf>
- Gudynas E.* Buen Vivir: Today's tomorrow // *Development*, 2011, 54(4), pp. 441–447, a.
- Gudynas E., Acosta A.* El buen vivir mas allá de desarrollo. // Qué Hacer, DESCO, Lima, Febrero/Marzo, 2011, b.
- Gudynas E.* Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia. URL: <http://extractivismo.com/2013/08/los-derechos-de-la-naturaleza-despues-de-la-caida-de-la-moratoria-petrolera-en-la-amazonia/> c.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Cambridge: Blackwell, 1989.
- Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. London, 1975.
- Kuehls T.* Beyond Sovereign Territory: The Space of Ecopolitics, Minneapolis: University of Minnesota Press. 1996.
- Kothari A., Demaria F., Acosta A.* Buen Vivir, Degrowth and Ecological Swaraj: Alternatives to sustainable development and the Green Economy / *Development*, 2014, 57(3–4), pp. 362–375.
- Lalander R.* Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: Consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador. // *Revista Chi-*

- Iena de Derecho y Ciencia Política, Enero-Abril, 2015. P. 109-152
- López Flores P.* La disputa de lo plurinacional en Bolivia: Neoextractivismo y Vivir Bien, el caso del TIPNIS. // *Alternativa*, №1, 2014.
- Luke W.T.* Toward a Green Geopolitics. Politicizing ecology at the Worldwatch Institute /Geopolitical Traditions. A Century of Geopolitical Thought. London, New York, Taylor and Francis. 2003.
- Machado D.* Las maniobras del Gobierno de Correa para evitar una consulta popular por el Yasuní. URL: www.diagonalperiodico.net/global/22624-irregularidades-proceso-consulta-por-yasuni.html
- MALKU KHOTA. Overview. URL: <http://www.trimetalsmining.com/international-arbitration/malku-khota/>
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers, J. and Behrens III, W.W.* The Limits to Growth. London: Pan. 1974.
- Miller, M.A.L.* The Third World in Global Environmental Politics, Boulder: Lynne Rienner. 1995.
- Kennedy P.* Preparing for the Twenty First Century, New York: Harper Collins, 1993
- Ó Tuathail G.* Introduction. Thinking critically about geopolitics /The Geopolitics Reader. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. P. 1-12.
- OSMAL. Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina URL: https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db/ (дата обращения: 17.10.2019).
- Porter G., Brown J.W.* Global Environmental Politics, Boulder: Westview, 1995.
- Redclift M., Benton T.* (eds) Social Theory and Global Environment, London: Routledge, 1994.
- Routledge P.* Anti-geopolitics. Introduction. The Geopolitics Reader. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. pp. 245-255.

- Sandbach F.* Environment, Ideology and Policy, Oxford: Basil Blackwell. 1980
- Shinkarenko A.* Teoría del «Cuatro Mundo» en la geopolítica moderna: aspectos latinoamericanos //Iberoamerica. 2016. №4. P. 68-89.
- Svampa M.* «Concenso de los Commodities» y lenguajes de valoración en America Latina. //Nueva Sociedad. 2013. Marzo-Abril.
- Svampa M.* Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías escenarios en disputa. /El desarrollo en cuestión: reflexiones desde América Latina. - La Paz: CIDES / UMSA, 2011.
- Swyngedouw E.* Impossible/Undesirable Sustainability and the Post-Political Condition, in Rob Krueger and David Gibbs (eds.) /The Sustainable Development Paradox. New York: Guilford Press, 2007, pp. 13–40.
- Visvanathan S.* Mrs Brundtland's Disenchanted Cosmos. //Alternatives, 16(2), 1991.
- Walton B.* Conga Mine in Peru Halted by Water Concerns, Civic Opposition. URL: www.circleofblue.org/2016/south-america/conga-mine-peru-halted-water-concerns-civic-opposition/
- Wapner P.* Environmental Activism and World Politics. Albany: State University of New York Press. 1996.
- Wood W.* Forced Migration: Local Conflicts and International Dilemmas. //Annals of the Association of American Geographers, 84(4), 1994.
- Yasuni: Ecuador abandons plan to stave off Amazon drilling. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/aug/16/ecuador-abandons-yasuni-amazon-drilling>